

Седакова Ольга. Вещество человечности. Интервью: 1990–2018. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 648 с.

Ольга Седакова — поэт. Представлять ее надо только тем, кто поэзией не интересуется. К тому же культуролог, философ, христианин. Философией проникнута ее поэзия.

Эта книга — книга больших интервью, где автор говорит не только о себе и своей поэзии, но умудряется посвятить читателя в свои отношения с миром и дать оценки этому миру в целом, а также стране, где живет, в частности. В книге 37 интервью. Вот только некоторые темы: «О времени. О традиции. О писаном и неписаном праве»; «О детстве, поэзии, мужестве»; «Творчество и вера. Время и язык. Автор и читатель»; «В словах, а не путем слов»; «Урок Целана»; «Христианство и культура»; «Разговор о свободе»; «О Мандельштаме»; «О нынешних временах и гуманитарном расцвете 70-х»; «О феномене советского человека» и пр. Стихи для Седаковой — противостояние хаосу. Фактически собрание этих интервью — это книга о поэтике, или антология поэтических принципов; своеобразное посвящение «в тайну времени», своеобразный вызов историческому времени, социально значимое высказывание, выражающее шоковое чувство времени как катастрофы.

В Керчи в Лапидарии одна из надписей на могильной плите гласит: «Было, не было, никогда не будет». Такое же чувство остается после прочтения интервью Седаковой. Она говорит о неумолимом моменте: «Бабушка: что, что ты хотела сказать... Никто никогда не вернет тот момент, где начиналась и не успела закончиться фраза... Утрата, растянутая по горизонтали смерти».

Можно, конечно, эту книгу назвать «культурным сопротивлением» — миру, литературе, обществу. Гораздо важнее — уметь стоять и держать себя. Держать в том мире культуры, в котором «нет оценочного — положительного значения. Когда Д. С. Лихачев называет бескультурьем, например, пренебрежение к гуманитарным знаниям, памятникам, библиотекам, природе, он имеет в виду одну культуру — христианскую, гуманистическую. Есть другая (мы диалектику учили не по Гегелю, вместо сердца — пламенный мотор) — это перестали декларировать, когда твердо усвоили. Но это связная, подлежащая типологической переработке система». Как «предмет философии — философия» (Седакова ссылается на М. К. Мамардашвили, который писал о философии как о роде человеческого опыта, присущем каждому), так и поэзия, которую

может сообщать поэзия, на ее взгляд, это переживание смысла, помноженное на мужество, доблесть, стойкость.

Всем интересующимся современной гуманитарной мыслью.

Макаренко В. П. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1. Вера, власть и бюрократия: Критика социологии Макса Вебера. Власть и легитимность. Непобитый рекорд и проблема отношения к чемпионам. Нереализованная идея столетней давности. Т. 2. Бюрократия и сталинизм. Политическая инерция: опыт рефлексии. Легитимна ли государственная служба России? Т. 3. Что такое троевластие? Русская власть: теоретико-социальные проблемы. Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2019. — 492 + 474 + 599 с.

Трехтомник — итог долговременной работы: это произведение человека, посвятившего жизнь исследованию социально-политических процессов, происходящих на его глазах, которые требовали осмысления с точек зрения времени, истории, цивилизации.

Виктор Павлович Макаренко — философ, политолог и социолог, организатор и главный редактор онлайн-журнала метадисциплинарных исследований «Политическая концептология», сам себя называющий радикальным контестатором — тем, кто последовательно и доказательно опровергает позиции оппонентов.

Автор трехтомника предстает в нескольких ипостасях: марксист в первом томе, яростный антисталинист второго, отстаивающий при этом, подобно многим людям 1960–1970-х годов, многие ленинские позиции, и критический модернист третьего тома. Склеивает все три тома — анализ бюрократии, понимаемой Макаренко как «превращенная форма выражения всеобщих интересов», одним из которых является такая потребность в управлении, при которой всеобщие интересы подменяются узкогрупповыми и индивидуальными. Жаль — ни слова о складывании бюрократии во Франции при Кольбере (В. Н. Малов). Разъяснению этого феномена посвящена методологическая мысль Макаренко, задача которого, помимо выражения собственной концепции, состоит в том, чтобы разрушить долговременные мифы об этом предмете, затрудняющие и не стимулирующие восприятие новых идей, показать разницу между именем и дескрипцией, незнание которой ведет к искажению истинного состояния дел.

Таким образом, предложенную концепцию бюрократии можно понимать, по мысли автора, как некий вариант теории, вполне могущий попасть под статус ошибки (по теории

К. Поппера). Концепция антиэтатистская; вскрываются ошибки (прежде всего у Маркса и Ленина) в разных теориях государственных структур.

Внимание Макаренко уделяется революции 1917 г. как «началу всех начал». Он видит в ней не только абсолютную новизну, но «продолжение древних традиций российского государства», ссылка на которые «стала общим местом государственной идеологии, историографии и пропаганды. В этом случае СССР трактовался как продолжатель данных традиций. Не отрицая переломного значения 1917 г., руководство КПСС одновременно квалифицировало самого себя как наследника всего прошлого освободительного и рабочего движения». Однако старый тридцатилетней давности анализ не подвергся необходимой ретракции.

Цель 2-го тома — показать систему взглядов Маркса на бюрократию, способствующую становлению материалистического понимания истории и коммунистического мировоззрения. Материалы этого тома были опубликованы в 1989 г., но автор, видимо, не желая смывать «печальных строк» из своего собственного бытия, не хочет себя править, оставляя текст в прежнем виде. Кажется, однако, что надо было не править текст, а вставлять в него новый комментарий, чтобы получился диалог себя с собой, дабы обнаружились новые повороты мышления: здесь мало сказать, что мысль Маркса сместилась к анализу социальных причин появления нового «бюрократического» сознания. Здесь надо было показать механизм смещения интересов по сохранению «частной собственности с выполнением государственных функций и реализацией частных интересов множества бюрократов в качестве всеобщих». Тем более что именно Маркс и сформулировал идею бюрократии как «организма-паразита».

Основная тема 2-го тома — анализ взглядов Ленина на бюрократию царской России, сопоставляемый с анализом Маркса и показавший, что этот анализ является не только философско-методологическим (Маркс), но и практически-политическим (Ленин). Сравнение оказалось необходимым для решения задач по революционному преобразованию буржуазного общества, связанному с реформированием законодательства, суда и полиции в первую очередь, выяснения «причин сакрализации государственного аппарата и влияния политических традиций страны на отношения между гражданами и карательно-репрессивными органами государства». Сравнение обнаруживает, что содержание, требуемое от философско-методологического рассуждения, ориентировано именно на правовые возможности, развязывающие и позволяющие репрессивные деяния. При допущении столь высокоразвитой бюрократии, поглотившей все, любые попытки ее разрушить были обречены на провал.

В томе 3 представлена собственно концепция Макаренко о том, что собой представляет российская бюрократическая власть и бюрократическое государство. Именно в томе 3 разъясняются многие понятия, дается история понятий и проблем, анализируются «политический язык, культ государства и социального порядка; политическое отчуждение; кумуляция господства», и все это на протяжении истории Московского царства, Российской империи и СССР. Теоретически важным здесь является акцент на возможностях мифологизации социально-исторической реальности.

Макаренко интерпретирует почти трехсотлетнее господство монголов над русскими землями, князья которых находились в тесном сотрудничестве с поработителями, раболепствуя, угодничая, предавая друг друга, как возможность искусственного «отбора лиц, обладающих низкими моральными качествами», пользовавшихся чужой военной силой, сплетавших свои интересы с интересами врагов (18). Эти процессы, на его взгляд, «повлияли на становление русского национального характера (ментальности)», а потому «главной причиной различных форм классовой борьбы в русской истории было государство. Его экономическая политика всегда была направлена против интересов населения». Поэтому неверно вслед за А. С. Пушкиным называть русский бунт «бесмысленным и беспощадным». За жестокость бунтов тоже отвечает государство: русским людям на протяжении столетий было у кого научиться жестокости».

Книги предназначены политологам, философам и всем интересующимся историей и теорией становления властных отношений.

Ямпольский М. Б. Изображение. Курс лекций. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 520 с.

Автор — советский, российский и американский культуролог и философ.

Книга «Изображение», как сказано в аннотации, — «запись курса лекций, прочитанного в Нью-Йоркском университете, а затем в несколько сокращенном виде повторенного в Москве в «Манеже». Курс предлагает широкий взгляд на проблему изображения в природе и культуре, понимаемого как фундаментальный антропологический феномен. Исследуется роль зрения в эволюции жизни, а затем в становлении человеческой культуры. Рассматриваются возникновение изобразительного пространства, дифференциация фона и фигуры, смысл линии (в том числе в лабиринтных изображениях), ставится вопрос о возникновении формы как стабилизирующей значение тотальности. Особое внимание уделено физиологии зрения в связи со становлением

изобразительного искусства, дифференциацией жанров западной живописи (пейзажа, натюрморта, портрета).

Многое в книге основано на идеях А. Р. Уайтхеда, но, как можно заметить, напоминает и мысли В. П. Эфроимсона, который еще в 1960-е годы писал о внутреннем обмене, от которого зависит выживание организма. Это значит, считает Ямпольский, что у внутренних частей имеется *общий интерес* обеспечить это выживание, что требует правдивой информации.

Изображение он рассматривает «как основополагающий аспект всего живого, как часть того, что сегодня называется биосемиотикой. Курс начинается с зарождения жизни и рассматривает участие изображений в эволюции жизни на Земле. Затем от биологии он движется к антропологии — то есть к проблемам изображения в древнейших и племенных культурах, а кончается он рассказом о западном изобразительном искусстве».

Автор выражает «стремление уйти от замкнутого искусствоведческого дискурса», что обуславливается тем, что он «до сих пор в основном пронизан платонизмом, т. е. мыслит в категориях замысла и его воплощения, игнорируя анализ природы изображения, которое является посредником между человеком и его миром. Изображения способны имитировать формы мира, могут превращаться в знаки, давая «иное понимание природы изображения, чем искусствознание».

В лекциях, где описывается «взаимодействие живых существ и мира», используется понятие *coupling* (сочленение, спаривание), выражающее «совместную адаптацию организма и среды, их синхронную эволюцию». В рамках единства организма и среды возникает *значение* (meaning), вырастающее из установок организма, из его интересов и перцептивных схем. Многие изображения лучше всего анализировать в перспективе такого значения: «Оно лучше всего кристаллизует дух современного витализма, когда изображение становится частью самораскрытия жизни в ее тесной связи со средой».

Coupling, как считает автор, «выводит нас за рамки категорий замысла и платонических прообразов, потому что располагается между восприятием и внешним миром». Жиль Делёз дополнил понятие значения понятием *смысла*, который лежит вне сферы субъективности и не реализует себя в рамках связи сознания со средой. Смысл с этой позиции, связанной с пересмотром платонизма, лучше всего проявляет себя в *событиях*, понятых как потоки сингулярностей.

Автор в своих представлениях опирается также на лекции о коммуникациях французского философа Жильбера Симондона (1970 г.), который «говорит о том, что информация — это нечто, вызывающее внутреннее изменение, и каждый организм — это островок метастабильности». Вводится понятие трансдукции, известной по работам Ж. Пиаже и В. С. Библера, но у Ямпольского она интересна процессом, с которым она ассоциируется, с изменением, проходящим по цепочке. Эта идея процесса связывается с мыслями о процессе Уайтхеда, утверждавшего, что не существует устойчивых субстанций, а есть то, что может быть названо актуальной сущностью или актуальным событием — корпускулярным моментом времени, который осуществляет переход от прошлого к будущему. Имя такого процесса — сращение.

Большое значение здесь приобретают «чувства» или «эмоции», сопровождающие процесс actual entity. «Эмоция — это субъективное переживание процесса трансдукции. Эмоция сопровождает всякий процесс трансдукции как передачи информации. Вибрации волн для него — это импульсы эмоций». Как считает автор, «у Уайтхеда, Бергсона, Делёза психика и физика не отделены друг от друга».

В книге собран огромный эмпирический и теоретический материал. Она может быть интересна студентам, аспирантам и всем интересующимся антропологией зрения.

Зорин А. Л. Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения / Пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 248 с. с илл.

Андрей Леонидович Зорин — советский и российский филолог и историк, профессор Оксфордского университета и Московской высшей школы социальных и экономических наук («Шанинка») — написал для иностранного читателя книгу о Льве Толстом — одном из главных представителей нашей культуры: и русской, и советской, авторе понятия «энергия заблуждения», чья магия выражена в «экзистенциальной серьезности его риторики». В этой книге Зорин постарался снять с его образа налипшие к нему стереотипы, возникшие в советское время, где Толстой прежде всего представал «зеркалом русской революции», который почему-то — и это казалось противоречием — предлагал отвечать на зло ненасилием. Как написано в аннотации, многие вещи, считавшиеся странными и не соответствующими образу мыслителя, т. е. «идея ненасильственного сопротивления, вегетарианство, дауншифтинг, требование отказа от военной службы, борьба за сохранение природы, отношение к любви и к сексуальности... становится мировым интеллектуальным мейнстримом». В книге очевиден интегральный

подход: писательство рассматривается наравне с сельскохозяйственным трудом, семейной трагедией и военной службой.

В книге поставлен актуальнейший для России вопрос о соотношении документа с истиной. Точнее, это метод самого Толстого, который писал, что желание создать историю 1812 г. заставит его «руководствоваться историческими документами, а не истиной», очевидно, имея в виду двойственное понимание истины: как идеологически предписанному ее пониманию и как тому, что выше всяческих документов. Он представил такое «понимание истории, которое не могут дать никакие документы» (с. 78). Сам Толстой писал «о способности человека ретроспективно подделывать мгновенно под совершившийся факт целый ряд мнимо свободных умозаключений»... История людей, так же как история народов и государств, не только постоянно переписывается задним числом, но и сам механизм ее переписывания является «мнимо свободным», то есть принудительным, а значит, прошлое человека реально меняется с изменением его настоящего» (с. 83). Толстой к тому же «оспорил традиционное для романтической эстетики представление о связи, существующей между искусством и красотой. С его точки зрения, искусство представляет собой способ общения между людьми: с его помощью люди передают друг другу свои чувства» (с. 177).

Одним из главных идей (или желаний) Толстого было снять с себя бремя авторства — то, что через некоторое время стало одной из идей М. М. Бахтина: стать одним из голосов природы. «В самом деле, кому нужна надпись на Гробе Господнем» (с. 239).

Интересовавшийся философией («буквально за день до того, как уехать в Пензу, Толстой сообщил Фету, что провел все лето, читая немецких философов», с. 96) Лев Николаевич считал основной целью творчества «потребность найти универсальное основание человеческому существованию» (с. 96). Более того, считал такую цель гораздо более важной всех «вопросов земства, литературы, эмансипации женщин» (с. 97). Эти вопросы, полагал он, «не только не занимательны, но их нет... Цели художества несоизмеримы (как говорят математики) с целями социальными. Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях» (с. 97–98).

Свойственное Толстому «сочетание документальности с поэтической идеализацией» (с. 56) присутствует и в книге Зорина, которая вполне может заинтересовать не только профессионалов-филологов и историков, но и студентов, аспирантов и всех интересующихся современной культурой.

Неретина С. С. Ни одно слово не лучше другого. Философия и литература. — М.: Голос, 2020. — 360 с.

В книге рассматривается вопрос о специфике взаимоотношений философии и литературы в западноевропейской культуре, о смысле того, что называется произведением, что можно и можно ли определять термином «словесность» или «литература». Анализируется особая форма логики — тропология, ставится проблема речи и речевого высказывания как инструмента философии и философского дискурса. Дискурс рассматривается как язык, застигнутый в момент своего преобразования в речь. Исследование проводится на основе анализа произведений Петра Абеляра, «Римских деяний», Данте Алигьери, Ф. Петрарки, И. В. Гёте, М. Пруста.

Для философов, филологов и всех интересующихся историей культуры.